

Регион: экономика и социология, 2010, № 1, с. 129–148

ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ОПРАВДАНИЙ БЕДНОСТИ И БОГАТСТВА

О.Г. Ечевская

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

Аннотация

Анализируются практики потребления, являющиеся в представлениях людей маркерами бедности и богатства, а также способы выстраивания социальных различий вокруг таких маркеров на основе экономических, социальных, моральных критериев. Показано, что потребление есть не только экономическая, но и преимущественно социальная, оценочная деятельность. Установлено, что различия в системах «альтернативных неравенств» связаны с апеллированием людей к разным регистрам оправдания, или «режимам справедливости», которые основаны на разных базовых ценностях. Компетентность людей в использовании регистров оправдания может служить как препятствием, так и ресурсом для выхода из бедности. Выводы иллюстрируются материалами эмпирического исследования конкретного региона.

Ключевые слова: городская бедность, представления населения о бедности и богатстве, потребление, социальная структура, моральные оценки

Abstract

The paper analyzes the consumption practices, which people attribute to markers of poverty and wealth, and the ways of how people build a system of social inequalities around such markers on the base of economic, social and moral criteria. We show that consumption proved to be not only the economic activity

but mainly that of a social and appraisal character; and can state that the difference in systems of «alternative inequalities» relates to the fact that people usually address to their different justification registers, i.e. «regimes of fairness», which are based on their different basic values. How competently a person may apply such justification registers could be either the obstacle to or a source of recovering from poverty. These conclusions are illustrated by materials of the empiric study for the concrete region.

Keywords: urban poverty, people' understanding of poverty and wealth, consumption, social structure, moral appraisals

Потребление в современных обществах становится все более важной областью: на основе предметов и практик потребления визуализируются социальные различия и границы, организуются социальные отношения. Потребление сегодня рассматривается не как простое удовлетворение потребностей, а как значимая и означающая деятельность, как средство осуществления социальной коммуникации и значимых сравнений [1–3]. Оно также является ключевой характеристикой образа жизни существующих в обществе социальных слоев, групп и классов [4, 5]. При этом на фоне возрастающей роли потребления в формировании социальных различий значимость труда в качестве главного основания социальной дифференциации, напротив, снижается. Так, например, наличие постоянной занятости уже не является гарантией от бедности, и существенную часть новых городских бедных составляют именно работающие [6], а сходство в условиях и характере труда отнюдь не гарантирует сходных образов жизни [5]. На фоне отмеченных тенденций изучение различий в потреблении и образах жизни социальных групп приобретает особую актуальность для понимания происходящих в современных обществах изменений.

Традиционно в экономических и социальных теориях различия в структурах потребления рассматриваются с двух точек зрения. В исследованиях преимущественно экономической направленности различия в потреблении трактуются как функция от свойств предметов потребления и/или потребностей, удовлетворяемых в потреблении [7]. В социологии потребительские различия концептуализируются не как связанные со свойствами товаров, а как последствия социальной

стратификации, как «функции» от социального статуса потребителя. Работы Т. Веблена и П. Бурдьё являются классическими, наиболее яркими примерами этой позиции.

В настоящей статье предлагается взглянуть на потребление несколько иначе и рассмотреть его не как функцию от внешних факторов, а как самостоятельный материал для производства социальных и моральных различий и иерархий. Особенность такого подхода состоит в том, что мы отказываемся от двух ставших уже привычными формул: «сходные функции предметов потребления = сходные выборы потребителей» и «одинаковый статус = одинаковое поведение (потребление)» – и обращаемся к *механизмам* выстраивания социальных различий, применяемым индивидами в повседневных взаимодействиях на основе ограниченного набора видимых признаков. Другими словами, изучаются не внешние факторы различий в потреблении, а формирование социальных различий самими участниками социального взаимодействия посредством потребления. Соответственно, не потребление становится следствием социальных различий, а напротив, сами различия и логики их выстраивания становятся в определенном смысле производными от практик потребления и их интерпретаций.

Для реализации такой исследовательской логики в работе используются два теоретических инструмента. Во-первых, концепция Э. Гоффмана помогает понять, как в повседневных взаимодействиях используются символы статуса [8] и как в публичном пространстве при помощи потребления и его интерпретаций производится работа над «испорченной идентичностью» – стигмой [9]. Управление «испорченной идентичностью» особенно важно для понимания практик потребления бедных и способов говорения о них. Во-вторых, теоретические концепции Л. Тевено и Л. Болтански [10], ставшие основой традиции, иногда называемой новой французской социологией справедливости или экономической теорией конвенций [11], продуктивны для объяснения существующих интерпретаций символов статуса и обозначаемых ими различий. Имеющиеся интерпретации связаны с объяснением социальных различий в разных «регистрах обоснования», опирающихся, в свою очередь, на разные принципы справедливости, критерии эквивалентности и базовые ценности.

СИМВОЛЫ СТАТУСА, СТИГМА, РЕГИСТРЫ ОБОСНОВАНИЯ: НЕСКОЛЬКО ВАЖНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Понятие «символы социального статуса» широко используется как в социальных теориях, так и в повседневной жизни для обозначения некоторых внешних атрибутов, сигнализирующих другим о значимых статусных характеристиках человека, использующего эти атрибуты. Первоначально понятие символов статуса, введенное Т. Вебленом, отсылало к дорогим вещам и практикам «расточительного потребления», призванным продемонстрировать и тем самым «утвердить» финансовое могущество прежде всего представителей праздного класса. В дальнейшем понятие распространяется на социальное пространство в целом: символизация статуса перестает быть делом исключительно «высших» слоев и становится практически универсальным средством категоризации социального мира, «работающим» на производство солидарностей и враждебностей, а также визуализирующим значимые различия на всех уровнях социальной иерархии [8].

Символы статуса не следует отождествлять с коллективными символами, объединяющими всех членов общности и направленными скорее на стирание, чем на производство различий. Также их не следует отождествлять с оценочными символами (которые в отличие от символов статуса маркируют не столько социальную позицию, сколько «качество» осуществления предписанных статусом обязанностей) и с профессиональными символами (которые в отличие от статусных символов имеют подтвержденный референт – профессию, чего нельзя сказать о классе).

Важно также различать категоризирующую и экспрессивную значимость символов статуса: первая символизирует наличие определенного статуса, вторая – стиль жизни и ценности человека, которому статус приписывается [8]. Разделение двух способов означивания предполагает, кроме прочего, неизбежную сопряженность процессов социальной категоризации с производством моральных и ценностных суждений.

Наконец, в отличие от тестов статуса символы статуса не являются надежными доказательствами статуса и могут быть использованы для того, чтобы ввести партнеров по взаимодействию в заблуждение (особенно это очевидно в том случае, когда символом статуса является вещь или предмет потребления, которые можно купить за деньги или украсть). Поскольку существует возможность «обмана», необходимы механизмы его предотвращения. Соответственно, конструиру-

ются и воспроизводятся системы ограничений, не позволяющие использовать символы статуса не по назначению¹ и являющиеся обоснованиями легитимности статусных символов для сообщества [8]. С учетом перечисленных особенностей и ограничений символы статуса не столько маркируют определенную *социальную позицию*, сколько влияют на суждение о ней. Соответственно, понимание того, как «работают» символы статуса, невозможно без изучения защитных и классификационных механизмов, а также *способов производства суждений*, без которых символ не дает должного эффекта.

Отдельно следует остановиться на тех признаках или свойствах, которые представляют их обладателя не с самой лучшей стороны. Участники взаимодействия стремятся скрыть эти свойства, иногда вовсе избегая ситуаций взаимодействия, в которых такой признак становится очевидным. Для обозначения подобных признаков Э. Гоффман вводит понятие стигмы². В том случае, если стигматизирующий признак очевиден или бросается в глаза, его проявление успеваает испортить впечатление об участнике взаимодействия раньше, чем представится возможность продемонстрировать признаки, напротив, выгодно отличающие этого участника от остальных.

Понятие стигмы особенно важно для понимания практик потребления и образов жизни бедных, поскольку бедность, как правило, оказывается сопряженной с широким спектром негативных стереотипов, «маркером» которых служит ограниченный набор видимых признаков. Например, «стигма бедного» может ассоциироваться с видимыми социальными характеристиками (раса, пол, район проживания), физическими недостатками и ограничениями здоровья и т.д. Как правило, видимые признаки «работают» в комплексе, усиливая эффект друг

¹ Ограничения такого рода можно разделить на пять типов: культурные, когнитивные, технические, моральные и стратегические. Каждый из типов ограничений связан с запретами и/или дефицитами определенного рода. Например, культурные ограничения являют собой дефицит моделей выражения идей и чувств, которые предоставляет цивилизация или общность; моральные ограничения касаются нормативных запретов, примерами которых могут быть соображения такта. Подробнее об этом см. в работе [12].

² Стигма есть «атрибут, наличие которого отличает индивида от других представителей социальной категории, к которой он может быть отнесен, и, в некотором роде, делает его хуже, чем они» [12].

друга. Важную роль в стигматизации бедных играет потребление, которое, будучи видимой, значимой активностью, легко делает бедность потребителя очевидной для окружающих (см., например, [13]).

Как уже говорилось, «технический» процесс социальной категоризации (присваивание статуса на основе набора видимых признаков) едва ли возможно отделить от производства моральных оценок. В случае с бедностью моральное осуждение и «постыдность» бедности связаны, кроме прочего, с тем, что в литературе обозначается как «идеология индивидуального усилия», – универсальным мериллом человеческих способностей и ценностей человека в западных обществах [13]. Те, кто не смогли использовать ресурсы, доступные каждому живущему в состоятельном, «развитом» обществе, не сумели добиться успеха самостоятельно, живут стесненно и получают помощь из внешних источников, с позиций такой идеологии считаются неудачниками. Соответственно, любая, и прежде всего публичная, активность бедных непременно предполагает управление «испорченной идентичностью», применение механизмов «сохранения лица», обосновывающих или оправдывающих существующее положение дел.

Привычки и практики потребления могут быть стигматизирующими не только в контексте бедности и недостаточности финансовых ресурсов для осуществления «масштабного» потребления. Потребление сверх меры, тяга к роскоши, излишняя привязанность к вещам и «фиксированность» на потреблении также могут быть для определенных сообществ стигматизирующими атрибутами. Так, например, богатство и огромные денежные расходы могут быть предметом и восхищения, и осуждения. Неодобрение может касаться как сомнительного происхождения больших денег («честно столько не заработать»), так и «мотовства» как такового, морально и этически неприемлемого во многих религиях и культурах. Излишняя же привязанность к вещам может осуждаться как пренебрежение человеческими отношениями, скупость, свидетельство недостаточного духовного развития³. Таким образом, работа по управлению впечатлениями в публичном простран-

³ Систематическое исследование обоснований и оправданий «сверхпотребления» и привязанности к вещам (в литературе обозначаемых как «вещизм», «потребительство» или «материализм») в разных культурах было осуществлено Г. Гером и Р. Белком [1]. Оно показало, что во всех четырех рассмотренных культурах (Западная Европа, США, Румыния, Турция) потребление всегда сопряжено с моральным

стве и в потребительском поведении осуществляется не только бедными, но и «всеми остальными» и далеко не всегда связана с демонстрацией финансовой успешности и достойного уровня благосостояния.

Наконец, если рыночная идеология индивидуального усилия и соответствующие ей «денежные» критерии успешности – не единственные основания социального ранжирования, необходимо структурировать пространство существующих критериев, на базе которых выстраиваются «альтернативные» иерархии. Для решения этой задачи продуктивным представляется использование концептуального аппарата, предложенного Л. Тевено и Л. Болтански в качестве решения проблемы поиска эквивалентности в повседневных взаимодействиях и включающего понятия режимов оправдания (регистров общественного обоснования) и концепций общего блага (справедливости).

Внимание Л. Тевено и Л. Болтански привлекли обычные дискуссии, активизирующие критику и обоснование в условиях публичного пространства [14]. В таких дискуссиях индивиды используют определенные регистры оправданий, делающие легитимными приводимые ими аргументы. Авторы выделяют шесть основных регистров общественного обоснования⁴, опирающихся на разные базовые ценности и предоставляющих участникам взаимодействия критерии установле-

оцениванием. Даже тогда, когда, казалось бы, нет никакой необходимости оправдываться, информанты всегда в описание собственного потребления включали обоснование его легитимности. Исследователи предложили вариант структурирования разнообразных моральных оценок потребительского поведения, разделив оценочные суждения на «обоснования» (да, я потребляю много, но делаю это в морально приемлемых формах, и в этом нет ничего дурного) и «оправдания» (да, материализм – это плохо, но это не мой выбор: заставляют обстоятельства, общество, СМИ и т.д.).

⁴ Общественное оправдание – не единственно возможный режим действия. О режиме общественного оправдания следует говорить только тогда, когда имеется противоречие, а также стремление его разрешить на основании общих критериев соизмеримости. Другим режимом действия может быть насилие, когда имеющееся противоречие не может быть разрешено (эквивалентность не предполагается), соответственно, противоречие разрешается не договорными, а насильственными способами. Кроме режима справедливости (рефлексивной дискуссии, нацеленной на поиск эквивалентности) выделяются также аффективный режим (взаимодействие, направленное на контррефлексивный уход от эквивалентности) и режим близости, ориентированный на сохранение текущего окружения [11].

ния эквивалентности. Регистры (называемые также «мирами» – «системами оправдания» [11]) задают диапазоны интерпретации в рамках определенной базовой ценности и служат для членов сообщества общим горизонтом смыслов, «направляющих» повседневную деятельность и логику ее обоснования (способ говорения о ней). Каждый из регистров предполагает наличие особого принципа соизмеримости, а также наличие не всегда очевидной в повседневном взаимодействии идеи справедливости, разделяемой сообществом, и опирается на определенную базовую ценность (см. таблицу).

Каждый из регистров представляет собой попытку «осмыслить действие в определенных ситуациях через менталитет и жесты, которыми владеет индивид в ходе урегулирования отношений личностей друг с другом и с вещами, т.е. используя пред-конституирующие точки опоры, внутренние и одновременно внешние по отношению к личностям» [14, с. 159]. Работая в режиме публичного оправдания, участники взаимодействия могут апеллировать к разным базовым ценностям, обосновывая одни и те же действия.

Регистры общественного обоснования и соответствующие им принципы соизмеримости (эквивалентности) и базовые ценности*

Регистр обоснования	Доминанта (принцип соизмеримости)	Базовая ценность
Гражданский	Профсоюзная	Коллективная воля и равенство
Промышленный	Производительности	Эффективность и компетентность
Семейный	«Искусства жизни»	Межличностные отношения доверия, связи между членами общества
Обоснование мнением	Общественных отношений	Признание со стороны других
Предпринимательский	Успешного ведения дел	Рынок: приумножение прибыли и капитала
Обоснование вдохновением	Творческая	Личностная целостность

* Обобщено на основе работы [14].

Как видно из таблицы, рынок и соответствующие рыночному обоснованию принципы соизмеримости являются не «универсальными мериллами» успешности, а базовой ценностью только в рамках одного из шести регистров. И ни один из регистров не универсален, – скорее апеллирование к базовой ценности в рамках того или иного регистра определяется контекстом или включенностью в сообщество, для которого соответствующая ценность (межличностные отношения, профессиональная компетентность, личностная целостность, публичное признание и т.д.) является всеми разделяемой. Соответственно, выбор, обоснование и интерпретация символов статуса в рамках каждого из регистров могут существенно различаться.

Прежде чем переходить к иллюстрации того, как описанная модель работает на понимание логики встраивания потребительских практик в представления о бедности и богатстве, отметим три важных момента. Во-первых, набор из шести регистров, описанных Л. Тевено и Л. Болтански, не конечен: перечисленные регистры обоснования встречаются наиболее часто, но могут быть и другие, при этом общее число регистров обоснования непременно ограничено.

Во-вторых, по мнению этих авторов, каждая из форм обоснования доступна каждому человеку, соответственно, описанные режимы обоснования являются частью всеми разделяемой компетентности⁵.

В-третьих, важно отметить, что понимание логики встраивания социальных различий в терминах обращения к разным регистрам обоснования предполагает иное понимание рациональности потребителей и участников взаимодействия. Интерпретация практик потребления в терминах регистров публичного обоснования не подразумевает рациональности потребителя а priori: в повседневной жизни люди крайне редко действуют рационально, и многие из осуществляемых действий рутинизированы, нерелексивны. Однако осмысляя прошлое, события, которые уже произошли, участники этих событий могут говорить о том, что используемые средства соответствовали какой-либо цели, и представления о целях могут меняться в зависимости от ситуации и контекста, в который они вписаны. И здесь скорее следует говорить

⁵ Этот момент вызвал интересную дискуссию, к которой мы обратимся позднее.

о рациональности *a posteriori*, о ретроспективном обосновании уже принятых решений в терминах ценностей, значимых для определенной общности или в определенном контексте⁶. Соответственно, и «моральность» суждения приобретает стратегический оттенок: обоснование событий в терминах регистров публичного оправдания и соответствующих им принципов справедливости работает не столько на объяснение произошедших событий, сколько на создание достойного впечатления и «сохранение лица» в ситуации взаимодействия.

ИДЕЯ, ЛОГИКА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование, на материалах которого иллюстрируется применение описанных концептуальных инструментов, проводилось в 2007 г. в г. Бердске Новосибирской области⁷ в рамках исследовательской программы «Российская бедность в локальном измерении», осуществляемой в шести регионах России (Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Ульяновск, Новосибирск, Иркутск) и поддержанной фондом «Хамовники». Проект новосибирской исследовательской группы «Бедность в городе – спутнике мегаполиса» (руководитель Т.Ю. Богомолова) был направлен на изучение социального неравенства в г. Бердске Новосибирской области. Логика исследования предполагала анализ социально-экономической стратификации поселения, в которую встроены как городская бедность, так и представления о ней жителей города. Отбор информантов осуществлялся так, чтобы охватить раз-

⁶ Подробнее о двух видах рациональности и о соотношении морали и практики см. в работе [15].

⁷ Бердск является городом – спутником мегаполиса. До начала 1990-х годов был самостоятельным городом областного подчинения с развитыми промышленностью и социально-бытовой инфраструктурой, тремя градообразующими предприятиями и жилищным строительством, осуществляемым в основном этими тремя предприятиями для своих работников. В настоящее время только одно из трех предприятий функционирует, но и само городское пространство, и социальные отношения в городе все еще во многом организуются с отсылкой к «трехзаводской» структуре. Это накладывает отпечаток как на восприятие социальной структуры города, так и на выстраивание социальных различий и формирование специфических солидарностей в городе.

ные группы населения, в том числе группы с разным уровнем достатка – от самых бедных до состоятельных.

Информационную базу исследования составили тексты 91 полуструктурированного интервью с жителями города. Совокупность опрошенных включает мужчин и женщин с разными уровнями дохода и образования, проживающих в разных районах города и представляющих различные социальные и профессиональные категории.

Вопросы, которые задавались информантам, касались самых разных аспектов жизни в городском поселении, включенности в социальные сети и в общественную жизнь города, использования объектов городской инфраструктуры, государственных субсидий и льгот, образа жизни и потребления, представлений о социальной структуре, бедности, богатстве, важных моментов в жизненной и семейной истории и т. д.

ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Прежде чем говорить о содержательных результатах исследования, необходимо ответить на важный методологический вопрос: почему при рассмотрении различий в потреблении – вполне материальных различий, основанных на практических действиях, мы говорим не о самих действиях, а о способах их обоснования? Связанный с этим вопрос касается того, насколько применима оптика «режима *публичного* оправдания» к анализу практик *повседневного* потребления, далеко не всегда осуществляемого «на публике».

Во-первых, как говорилось ранее, потребление – это всегда видимая и символическая деятельность вне зависимости от того, имеет ли потребитель намерение произвести впечатление на окружающих или нет. Предметы и практики потребления видны в публичном пространстве и в силу своей «очевидности» считываются как символы статуса, маркирующие значимые характеристики потребителя, «автоматически», зачастую неререфлексивно. Для того чтобы сформулировать видимые признаки бедности и богатства в ситуации интервью, практически всем без исключения информантам требовалось некоторое время как на

то, чтобы вспомнить, так и на то, чтобы «включить» применяемые в повседневности механизмы различения и регистры их обоснования.

Во-вторых, темы бедности и богатства предполагают разговор об «отклонениях от типичного», о ситуации нарушения равенства, о неодинаковости окружающих людей, о выстраивании иерархий. Соответственно, разговор о неравенстве предполагает хотя бы спонтанную оценку легитимности такого положения, классифицирующее суждение, сопряженное с моральной оценкой и системой представлений о справедливости или несправедливости существующего положения вещей. Изучение классифицирующих и моральных суждений подобного рода особенно важно для понимания способов производства социальных различий в небольших поселениях, а также в городах с одним или несколькими градообразующими предприятиями, где до сих пор сохраняются сообщества, основанные на продолжительном личном знакомстве их членов, связанном с работой и проживанием рядом друг с другом.

В-третьих, ситуация интервью предполагает включение режима публичного оправдания, поскольку взаимодействие «интервьюер – информант» является публичным (важно поддерживать диалог с незнакомцем и при этом не потерять лицо), а также потому, что говорение о других с незнакомцем предполагает применение некоторых критериев эквивалентности, понятных обоим участникам беседы, отсылающих к некоему общему горизонту смыслов.

Наконец, в-четвертых, как было показано ранее, и признаки бедности, и признаки богатства могут быть стигматизирующими. Соответственно, управление впечатлениями (и коррекция стигмы – при ее наличии – при помощи различных стратегий обоснования) – работа, которую каждый из информантов прodelывает в диалоге с интервьюером с разной степенью осознанности. Таким образом, практики потребления, соответствующие представлениям о бедности и богатстве, описываемые информантами в ходе интервью, являются символами статуса, не столько отсылающими к позициям в «объективной» системе неравенств, сколько влияющими на *суждения* о статусах индивидов, их использующих, посредством включения в систему представлений о справедливости и базовых ценностей сообществ, значимых для информанта. Изучение подобных символов – это прежде всего изу-

чение деятельности агентов по производству социальных различий, основанных на их представлениях о достойном, приемлемом и справедливом порядке вещей.

ПОТРЕБЛЕНИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О БЕДНОСТИ И БОГАТСТВЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ текстов интервью показал, что представления большинства информантов о бедности и богатстве в основном «завязаны» на потреблении. При этом список предметов потребления, говорящих о бедности и богатстве их обладателей, достаточно короток и «универсален»: представители всех доходных и образовательных групп, как правило, говорят об одном и том же наборе. Так, «лидерами» среди символов статуса являются жилье, автомобиль, отдых за границей и хорошее образование (прежде всего возможность дать хорошее образование детям). Одежда и обувь также оказываются статусными символами с высокой экспрессивной нагрузкой, но на их основе делаются выводы скорее о характере и личных качествах их обладателей, чем о богатстве или бедности.

Кроме того, описания «бедных» и «богатых» зачастую оказываются «зеркальными»: «состоятельные» семьи описываются через наличие определенных наборов символов, а бедные – через отсутствие таких наборов.

[Как определить], семья богатая или нет? Ну даже по месту жительства можно. Ну, например, город Изумрудный⁸. Кто там живет? Ну естественно, не мы... Там все, чего нам не хватает, – и комнаты «темные», и есть чего куда поставить, и не проблема куда-то съездить, и отдыхают люди, например... И, наверно, они умные, я так думаю, потому что достичь такого – я не представляю, как можно...

А бедные... Это вот зайдешь в квартиру когда – старая мебель, как у нас. Никуда мы не ходим, никуда поехать не можем. Даже в Новосибирск – и то по необходимости. Ну конечно, машины нет, я уж не

⁸ Элитный микрорайон, расположенный в черте города, но огороженный кирпичным забором и имеющий охрану на въезде.

говорю – максимум какой-то: трактор, велосипед, я не знаю. И взгляд такой уже у человека, равнодушный, уже не до Парижа.

(Лидия, 52 года, высшее образование, официально зарегистрированная безработная)

Условно универсальными являются не только символы богатства или бедности, но и склонность помещать эти символы в моральную плоскость, проводя четкую грань между «хорошими» и «плохими» богатыми, а также «хорошими» и «плохими» бедными. Интересно, что обоснование неравенства большинством информантов осуществлялось главным образом в рамках трех описанных Л. Тевено и Л. Болтански регистров: домашнем, производственном и рыночном. При этом, как правило, «хорошее» богатство обосновывается в рамках промышленного регистра (производительность, компетентность, «золотые руки», развитие нового дела из «остатков» остановленных производств и т.д.), а «хорошая бедность» – в рамках домашнего регистра (хороший, общительный человек, большая семья, участие или неучастие членов семьи – детей, других родственников – в жизни информанта как важное условие возможности справиться с бедностью).

Напротив, «плохие богатые» – это, как правило, те, чье поведение не соответствует базовым ценностям домашнего регистра обоснования (необщительные, забывают друзей, плохо воспитывают или чересчур балуют детей и т.д.), а «плохие бедные» – те, чье поведение противоречит базовым ценностям промышленного регистра (ленивые, немотивированные, непрофессиональные, пьющие, вместо того чтобы искать работу, и т.д.).

Таким образом, даже при условной универсальности символов статуса, разделяющих общность на богатых и бедных, моральные иерархии и базовые ценности, направляющие интерпретацию одних и тех же символов, могут быть контрастными. Таковы, например, иерархии, основанные на базовых ценностях домашнего и промышленного регистров обоснования. Если моральная иерархия в рамках семейного регистра выстраивается от «плохих богатых» к «хорошим бедным», то в рамках промышленного регистра – наоборот, от «плохих бедных» к «хорошим богатым».

Важный вопрос в контексте использования разных регистров обоснования касается доступности различных регистров для разных групп и сообществ. По мнению Л. Тевено и Л. Болтански, все регистры одинаково доступны всем и являются частью всеми разделяемой компетентности. Однако эта идея вызвала ряд критических замечаний, связанных с тем, что, как и любая компетентность, умение оперировать различными регистрами обоснования (в своих интересах) приходит не сразу, а требует времени и определенных способностей для освоения (подробнее об этом см. в работе [14]). На основании данных, полученных в нашем исследовании, можно выдвинуть гипотезу о том, что как доступ к разным регистрам, так и способность «переключаться» между регистрами у разных групп и сообществ не только не равны, но и стратифицированы в соответствии с уровнем культурного капитала, если пользоваться терминологией П. Бурдьё [4].

Так, относительно малообразованные (зачастую и относительно малоимущие) информанты, описывая неравенства, связанные с потреблением и материальным благополучием, и в особенности их причины, в основном остаются в рамках домашнего регистра, иногда привлекая профессиональный. Например:

– *Какая она – богатая семья?*

– Ну, я думаю, что квартира в хорошем месте, машина, мебель. То есть чтобы никаких проблем не было, только работать, отдыхать и все...

– *А в целом, какие пути в нашей стране к богатству ведут? Как богатым стать?*

– Ну, я так думаю, что все-таки это женитьба. Потому что многие мне встречались люди, которые раньше вообще ничего из себя не представляли, просто удачно выходили замуж или женились и сейчас свое дело открыли...

– *А наоборот, отличительные черты бедной семьи какие?*

– ...Чересчур таких уж бедных – таких не попадалось. Но есть люди, которые, допустим, что-то хотят купить и долго копят... У них и обои плохие, и в доме мрачно, серость какая-то, жизнь такая... Я думаю так вот.

– А почему бедными у нас становятся в стране?

– Ну, я думаю, что это в основном пенсионеры, которые, допустим, уже не в состоянии подрабатывать, и вот именно у них самое большое место. Даже некоторые вон по помойкам лазают. Куда [их] дети смотрят вообще?

(Сергей, 35 лет, среднее образование, самозанятый)

Иногда базовые ценности семейного регистра оказываются единственным основанием как для описания различий между бедными и богатыми, так и для объяснения причин такого положения вещей:

– Были такие люди в вашем окружении, которые поднялись в материальном плане?

– Да, были... Когда нам было лет по 20–25, у нас была такая компания. Нас было девять пар... Потом стала... нищета, безысходность. Потом немного поднялись эти три пары, стали повыше нас. На дни рождения не приглашают никого. Поздороваются, не поговорят: все некогда...

– А среди ваших друзей есть такие, кто резко потерял, не смог справиться?

– Была одна семья из наших друзей. Мы все вовремя поняли. Стал пить, опустился. Мы боролись всяко: и словесно, и прикладывали. Все было. Но тут еще связано у них с тем, что в их семью вошла посторонняя женщина. Все к одному.

(Надежда, 55 лет, восемь классов, работающий пенсионер)

Напротив, относительно высокообразованные информанты используют весь спектр регистров обоснования с привлечением разных ценностей в разных контекстах, предлагая более детализированные, разнообразные, разносторонние описания как бедности и богатства, так и их причин и факторов. Приведем один пример детализированного описания причин бедности:

Это, наверное, все-таки несколько исторический факт, как мне кажется. Сейчас за порогом бедности у нас две категории граждан. Либо это пенсионеры, потому что это самая социально незащищенная категория граждан... Тот уровень пенсии, который им выплачивается, не обеспечивает нормального существования, и, допустим,

отсутствует поддержка детей. Тогда я считаю, что человек беден. А если мы говорим о людях предпенсионного возраста, то это люди, которых сломал тот период перестройки. Шла смена власти, смена подхода к жизни. Это люди, которые не попали в волну, которые, допустим, вложились в какие-то предприятия, в том числе и в частные, но не смогли на рыночных рельсах выплыть. Очень много кто погорел, много людей сломала жизнь. Кто пристрастился к выпивке – эти люди пошли по наклонной. ...А дети зависимы на первых периодах жизни от родителей... И дети продолжают идти по колее, в которую попали родители.

(Мария, 24 года, высшее образование, сотрудник банка)

Можно также высказать предположение о том, что умение оперировать разными регистрами и способность переопределять одни и те же действия в терминах другого регистра могут быть дополнительным ресурсом, способствующим повышению уровня жизни и выходу из бедности. Примером может служить рассказ одной информантки, обосновывающей большую часть своих как жизненных, так и потребительских ценностей в рамках творческого регистра, апеллируя к ценностям личностной целостности и особым качествам интеллигенции. До определенного момента обоснование в рамках творческого регистра не входило в противоречие с социальной и экономической ситуацией. Затем, после распада Советского Союза, в контексте промышленного кризиса и массовой структурной бедности творческий регистр, базовые ценности которого определяют все доступные для того времени и того контекста способы повышения благосостояния (фактически – либо уличная торговля, либо постанковка на учет в службе занятости, получение государственной помощи) как неприемлемые, превратился в серьезный барьер.

...Мы страшно бедствовали все, потому что работали, а зарплаты не получали. А встать на биржу труда – это было же такой позор, ты что! ...Мы какие книжки читали? Там, Драйзер-Шмайзер. Это же ужас, унижение, и это надо скрывать. И вот я где-то полгода жила без всяких средств к существованию...

(Галина, 62 года, высшее образование, работающий пенсионер)

Когда же информантка переопределила помощь от государства в терминах промышленного и рыночного регистров, обращение в службу занятости превратилось из морально неприемлемой в рамках творческого регистра практики в морально поощряемую в рамках промышленного регистра деятельность по приобретению компетенций и навыков.

...И я снова встала на эту биржу, уже со знанием дела. ...Я еще месяц за их счет поездила в НЭТИ, и это было супер как классно, оплачивали дорогу, пособие было как пособие, а еще я и стипендию, не помню в каком размере, получала за то, что обучалась. Оказывается, фонд занятости – это было большое счастье, а никакой не позор, вот так вот.

(Галина, 62 года, высшее образование, работающий пенсионер).

Напротив, неготовность или неспособность «перемещаться» между регистрами может ограничивать выбор каналов мобильности, тем самым способствуя воспроизводству и закреплению бедственного положения.

– Знаете, когда я работала на стройке, то жить нам было намного легче, мне кажется. То есть могли чего-то купить себе, то или это – не думали, а вот когда здоровье кончилось, со стройки пришлось уйти, и стало заметно хуже...

– Ну и как, пытались как-то исправить ситуацию, подтянуть к тому уровню, какой был?

– Ну а как я могу? Мне вообще кажется: у меня в этой жизни как-то мало ума. Может, надо было где-то по-другому поступить – я не знаю. Как-то люди же, я не знаю... Работали же вместе... А потом смотрю – они все торговать пошли почему-то. Однако они вот не гнушались торговлей, и они вышли, как-то обеспечили себе какое-то благосостояние, устойчивое. А мы вот...

(Лидия, 52 года, безработная)

Таким образом, можно говорить не только о стратифицированности и доступа к различным регистрам обоснования, и способности к их «переключению», но и о том, что такая способность может быть кон-

вертирована в возможность. Так, в частности, «некомпетентность» или «негибкость» в использовании регистров обоснования может способствовать воспроизводству бедственного положения (соображения «сохранения лица» могут являться серьезными барьерами, ограничивающими доступ к материальным благам). Напротив, «гибкость» и «компетентность» в обращении с регистрами обоснования могут быть ресурсом для того, чтобы изменить фактическое положение дел, повысить благосостояние и выйти из бедности.

* * *

Итак, повседневные определения бедности и богатства в существенной части основаны на практиках потребления. При этом набор символов статуса, используемых жителями города с разным уровнем достатка, практически универсален: большинство информантов оперируют небольшим списком символов, – это жилье, автомобиль, одежда, обувь, отдых за границей, хорошее образование.

Моральные иерархии, направляющие интерпретацию одного и того же набора символов статуса, могут быть контрастными, одна и та же система экономических неравенств может определяться противоположными способами. Способы морального определения бедности и богатства различаются в соответствии с базовыми ценностями и принципами справедливости, лежащими в основе различных регистров публичного обоснования. Так, например, «полярность» моральной оценки бедности и богатства может меняться на противоположную при переходе из промышленного регистра обоснования в домашний.

Хотя различные регистры обоснования являются частью общей, всеми разделяемой компетентности, умение оперировать различными регистрами, а также способность переключаться с одного на другой, стратифицированы. Способность же переопределять одни и те же действия и практики в терминах разных регистров, дающая возможность менять поведение, не теряя при этом лица, является не только «коммуникативным навыком», но и ресурсом, позволяющим менять жизненную ситуацию и выходить из состояния бедности.

Литература

1. **Ger G., Belk R.W.** Accounting for materialism in four cultures // *Journal of Material Culture*. – 1999. – V. 4 (2). – P. 183–204.
2. **Holt D.B.** Does cultural capital structure American consumption? // *Journal of Consumer Research*. – 1998. – V. 25, No. 1. – P. 1–25.
3. **Ильин В.** Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // *Мир России*. – 2005. – Т. XIV, № 2. – С. 3–40.
4. **Бурдые П.** Различение: социальная критика суждения // *Экономическая социология*. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48.
5. **Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. et al.** Understanding cultural omnivorousness: or, The myth of the cultural omnivore // *Cultural Sociology*. – 2007, No. 1. – P. 143–164.
6. **Ярошенко С.** Бедность в постсоциалистической России. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2005. – 208 с.
7. **Holt D.B.** How consumers consume: a typology of consumption practices // *Journal of Consumer Research*. – 1995. – No. 22 (June). – P. 1–16.
8. **Goffman E.** Symbols of class status // *British Journal of Sociology*. – 1951. – No. 11. – P. 294–304.
9. **Goffman E.** Stigma: Notes on the management of spoiled identity. – Touchstone, 1986. – 168 p.
10. **Boltanski L., Thevenot L.** On justification: The economies of worth. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 400 p.
11. **Титаев К.** Метафоры Люка Болтански и Лорана Тевено как инструмент анализа повседневной жизни сельской России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shkola-top.ru/topic57.html> (дата обращения 28.09.2009).
12. **Соколов М.** Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность: Сб. статей*. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 9–39.
13. **Wacquant L.** Urban outcasts: stigma and division in the black American ghetto and the French urban periphery // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 1993. – No. 17. – P. 366–383.
14. **Коркюф Ф.** Новые социологии. – М: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алтейя, 2002. – 172 с.
15. **Бовоне Л.** К проблеме постмодерна: тенденции развития общества и социология // *Контексты современности – II: Хрестоматия*. – 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 188 с.